

За две жизни Вэнь Шу еще никто не решался ударить его по лицу. Даже суровый, вечно несправедливый отец в худшие дни ограничивался бранью — до рукоприкладства никогда не доходило.

Сегодня же был положен почин. Получив от Ся Чэня кулаком по физиономии, Вэнь Шу даже не попытался уклониться. И не потому, что не мог — просто раз уж пообещал терпеть любые побои и ругань, пока тот не выпустит пар, значит, нужно стоять смирно.

Однако стоило кулаку встретиться с челюстью, как у Вэнь Шу не дрогнул ни один мускул, а вот сам зачинщик драки отпрянул, баюкая ушибленную ладонь. От резкой боли у Ся Чэня даже глаза заслезились. Ну и каменный! Он из железа отлит, что ли?!

— Руку ушиб? Дай погляжу...

Вэнь Шу и сам позабыл, что хотя его нынешнее тело еще не обрело прежнюю неуязвимость для клинков и стрел, плотность его мышц и костей давно превосходила человеческие пределы. Если обычный человек вздумает его ударить, то лишь искалечит собственные пальцы.

— Заткнись!

Сгорая от гнева и стыда, Ся Чэнь сорвал с шеи пушистый теплый шарф, намотал его на кулак и принялся нещадно колотить мерзавца пушистым молотом.

Вэнь Шу, разумеется, никакой боли не почувствовал. Ему даже стало смешно, но он вовремя сдержался — если бы он сейчас ухмыльнулся, Ся Чэня от ярости точно бы удар хватил.

К тому же Ся Чэнь быстро понял, что метить в лицо неудобно — Вэнь Шу был заметно выше. Никаких боевых искусств юноша не знал, поэтому дрался на чистом инстинкте, осыпая противника градом беспорядочных ударов. Но даже при том, что Вэнь Шу стоял как вкопанный и безропотно сносил эту экзекуцию, Ся Чэнь вскоре выдохся и тяжело задышал.

— Полегчало? — заботливо поинтересовался Вэнь Шу, готовый, если потребуется, подставить бока под еще один раунд.

Ся Чэнь лишь молча и шумно сопел в ответ.

Глядя на покрасневшую, ноющую ладонь, а затем на неврежденного Вэнь Шу, Ся Чэнь почувствовал, как к горлу подкатывает удушливая волна обиды. Нос предательски защекотало, и крупные слезы одна за другой покатались по его щекам.

— Ты... почему ты плачешь?

Вэнь Шу оторопел. Растерянность мгновенно сменилась паникой. Прежде, еще не зная, что Ся Чэнь и есть его «маленький обманщик» по переписке, он со злорадным любопытством ждал момента, когда заставит его разрыдаться. Но теперь, видя эти живые слезы, он ощутил, будто каждая упавшая капля со свистом вонзается ему прямо в сердце, заставляя его болезненно сжиматься.

Ся Чэнь сердито утер лицо. Он вовсе не собирался реветь — негоже парню распускать нюни, — просто ярость и досада перехлестнули через край. Самый близкий друг водил его за нос столько лет! Ся Чэнь всего-то хотел проучить его, а в итоге сам же расшиб руку и выставил себя слабаком. «Нечего было лениться в детстве, — запоздало подумал он, — нужно было усерднее заниматься с наставниками и довести тренировки до конца».

— Не плачь, пожалуйста.

Видя, что Ся Чэнь отвернулся и вздрагивает всем телом, Вэнь Шу занервничал еще сильнее, совершенно не представляя, как подступить к плачущему юноше.

С досадой хрустнув пальцами, он нахмурился и подозвал Чжэлю, требовательно протянув ладонь:

— Дай кинжал.

Чжэлю оцепенел. Он медленно вытащил из-за пояса короткий охотничий кинжал и передал хозяину. Все происходящее сегодня перед его глазами напрочь ломало его представления о господине.

— Вот, держи. Если кулаками мало — бей этим, — совершенно серьезно предложил Вэнь Шу, протягивая Ся Чэню оружие.

«Сейчас я еще не стал неуязвимым для стали, — рассудил он про себя. — Кинжал оставит след. У Юаньбао сил немного, глубоко клинок не вонзит. А с моей регенерацией любые порезы затянутся за пару дней, боеспособность перед грядущей катастрофой я не потеряю».

Вэнь Шу искренне считал свое решение гениальным: и Ся Чэнь спустит пар, и никаких тяжелых последствий не предвидится. Взаимовыгодный компромисс.

Но Ся Чэнь, уставившись на холодное лезвие, почувствовал, как едва утихший гнев вспыхнул с новой силой. Он наотмашь швырнул руку Вэнь Шу в сторону:

— Ты издеваешься надо мной?!

Раз уж маски сорваны, зачем продолжать этот дурацкий спектакль? Неужели ему так весело измываться над ним?

— Но... ты ведь хотел выместить злость? — Вэнь Шу искренне недоумевал. Если человеку нужно выплеснуть эмоции, а бить кулаками больно, логично же сменить инструмент. Где логическая ошибка?

Ся Чэнь от ярости даже рассмеялся. Он выхватил кинжал и, не вынимая из ножен, угрожающе ткнул им в грудь собеседника:

— Точно хочешь, чтобы я взялся за нож? Смотри, прирежу — не жалуйся!

Вэнь Шу на мгновение задумался. Ся Чэнь уже приготовился съязвить, решив, что наконец-то нагнал на того страху, но услышал спокойный ответ:

— Если ты действительно хочешь меня убить, этого оружия не хватит. Но если убивать не планируешь, просто старайся не целиться в сердце. В остальных местах раны не смертельны.

Ся Чэнь лишился дара речи.

Кое-как совладав с бурей в душе, он взгляделся в лицо Вэнь Шу. Тот не шутил, не глумился и не кривлялся — он действительно давал практические советы по нанесению себе телесных повреждений.

«Бань-эр, ты тут?» — испуганно позвал Ся Чэнь своего системного напарника. — «Мне кажется, с ним что-то не так. У него ведь явные проблемы с головой...»

[Согласно первичной диагностике Системы, у цели обнаружено тяжелое психическое расстройство.]

Ся Чэнь замолчал. Он вспомнил их десятилетнюю переписку. Все эти годы Цзыцзянь всегда оставался для него воплощением мягкости и чуткости. Да, порой он поддразнивал его, порой в его словах проскальзывала глухая горечь, но Ся Чэнь всегда списывал это на слепоту и жестокость родных, бросивших калеку в глуши.

Ему вдруг вспомнилась одна фраза: «Если долго притворяться кем-то другим, сможешь ли ты потом отделить маску от собственного лица?». Ему казалось, что Цзыцзянь обманывал его десять лет, но разве эти десять лет были фальшивкой? Ведь Вэнь Шу отдавал ему — и только ему — всю ту крупицу нежности, на которую вообще был способен.

Разве смех в его голосе был притворным? Разве те теплые слова были ложью? В конце концов, разве поддержка на протяжении стольких лет ничего не стоила? Нет, такое невозможно сыграть. Будь все это обманом, разве стал бы холодный, безжалостный Вэнь Шу покорно стоять под его ударами?

Ся Чэнь закрыл глаза. Злость улетучилась, оставив лишь щемящую пустоту. Перед ним стоял

Цзыцзянь — друг, который шел с ним рука об руку целое десятилетие. У него не было слепоты, но была глубокая душевная рана. Ся Чэнь мог злиться на него, мог выговаривать обиды, но бросить его вот так просто теперь не имел права.

— Нам нужно поговорить, — вздохнул Ся Чэнь, откладывая кинжал, и осторожно потянул Вэнь Шу за рукав.

Вэнь Шу растерялся, не понимая, отчего гнев юноши угас так внезапно. Впрочем, расспрашивать и испытывать судьбу он не стал. Перехватив ладонь Ся Чэня, он мягко улыбнулся и повел его вглубь усадьбы.

— Давай зайдем в дом. Я нанял лучшую кухарку, она отменно готовит столичные блюда. Еще у меня есть два мастера-кондитера — скажи только, какие сладости тебе по душе, Юаньбао, они мигом сделают. Да, я велел привезти в усадьбу те сладкие апельсины, что тебе так нравятся. Но поскольку твоего приезда сегодня не ждали, их еще не доставили. Я сейчас же прикажу...

— Не нужно, не утруждайся, — тихо прервал его Ся Чэнь, чувствуя, как к сердцу подступает тепло.

Цзыцзянь никогда не отличался изысканными кулинарными пристрастиями, так что не требовалось большого ума, чтобы понять, для кого затевались все эти кулинарные приготовления.

Вэнь Шу лишь улыбнулся, ничего не ответив. Все это действительно предназначалось исключительно для Юаньбао. Если бы тот отказался, то и кухарка, и кондитеры, и редкие фрукты мгновенно лишились бы для Вэнь Шу всякого смысла.

Стоило им устроиться в теплой комнате, как услужливый Чжэлю тут же внес медный таз с горячей водой. Заметив вопросительный взгляд хозяина, слуга почтительно обратился к Ся Чэню:

— Молодой господин просил подать горячей воды, чтобы вы могли умыться с дороги.

Только сейчас Ся Чэнь почувствовал, как неприятно стянуло кожу на лице. Он ведь только что плакал на морозе, и если не смыть соленые дорожки, кожа быстро обветрится и потрескается.

Бросив на Вэнь Шу благодарный взгляд, Ся Чэнь ополоснул лицо теплой водой, решив при первой возможности незаметно нанести немного крема для лица. Этот крем он когда-то вытянул из системных наград — целую большую банку! Он предусмотрительно переложил часть в маленькую глиняную баночку и всегда носил с собой. Для защиты рук и лица от зимней стужи лучше средства было не сыскать.

Сам Вэнь Шу давно забыл, насколько уязвима человеческая кожа, но теперь, глядя на друга,

все понял. Находчивость Чжэлю пришлось ему по душе. А поймав признательный взгляд Ся Чэня, он мысленно признал, что его молочный брат порой бывает на редкость полезен. Если Чжэлю не суждено обратиться в мертвеца в грядущие смутные времена, его определенно стоит держать при себе и дальше.

— И все же я хочу спросить, — Ся Чэнь по-прежнему не мог отпустить эту обиду. Ему требовалась определенность. — Все то время, что мы общались... ты мне врал? Ответь честно. Если не хочешь говорить — лучше промолчи, но не смей снова лгать.

— Нет, — мягко ответил Вэнь Шу.

В этот миг он до мельчайших черточек походил на того самого Цзыцзяня, которого Ся Чэнь знал по письмам: утонченный, с ласковой полуулыбкой на губах. Сложно было поверить, что этот человек и тот мрачный господин из их первой личной встречи — одно и то же лицо.

— Но ведешь ты себя совсем иначе, — покачал головой Ся Чэнь. Он не сомневался, что собеседник понимает, о чем речь.

— Наверное, дело в том, — Вэнь Шу на секунду задумался, — что когда я разговариваю с тобой, у меня всегда поднимается настроение.

«А, ну теперь все ясно, — иронично подумал Ся Чэнь. — Когда ему хорошо, он — утонченный Цзыцзянь, а когда тучи сгущаются — невыносимый Вэнь Шу. У него что, раздвоение личности?»

Вэнь Шу, словно прочитав мысли на его лице, с улыбкой добавил:

— И не только это. Порой мне безумно хотелось немного подразнить тебя, попугать, но я боялся, что ты испугаешься и сбежишь. Приходилось сдерживаться изо всех сил.

Его характер никогда не был простым, но он хотел, чтобы его маленький друг наконец перестал разделять Вэнь Шу и Цзыцзяня на двух разных людей.

От такой откровенности Ся Чэнь едва не поперхнулся.

«То есть ты с самого начала спал и видел, как бы поизмываться надо мной? И сегодня наконец дорвался и отвел душу?»

— Но почему ты столько лет скрывал, что прекрасно видишь? — снова спросил Ся Чэнь.

Если подумать, ложь про слепоту была единственным серьезным обманом. Что же касается разницы в поведении... в его прошлой жизни людей, которые в сети казались душами, а в

реальности оказывались невыносимыми занудами, хватало с избытком.

— Потому что знал: ты разозлишься, — просто ответил Вэнь Шу. — А я не люблю, когда ты злишься на меня. Из-за этого мне становится паршиво на душе.

— И что, по-твоему, если бы ты молчал дальше, я бы никогда не разозлился? — закатил глаза Ся Чэнь. — Сейчас мне в сто раз обиднее!

— Твоя правда, — со вздохом согласился Вэнь Шу.

Если бы он только знал, что все так обернется, то просто соврал бы, будто чудом исцелился от слепоты совсем недавно.

Глядя на его смиренный вид, Ся Чэнь окончательно растерял весь пыл. Немного подумав, он протянул ладонь:

— Что ж, давай познакомимся заново. Меня зовут Ся Чэнь, домашнее имя — Юаньбао. Все остальное ты и так обо мне знаешь, так что обойдемся без лишних слов.

Вэнь Шу никогда раньше не сталкивался с подобным бесхитростным приветствием, но условности его мало заботили. Он с мягкой улыбкой вложил свою ладонь в руку юноши и в тон ему ответил:

— Меня зовут Вэнь Шу, второе имя — Цзыцзянь. Домашнего имени нет. Если захочешь узнать что-то еще — спрашивай о чем угодно, я отвечу.

Ся Чэнь крепко сжал его пальцы и несколько раз энергично встряхнул их, демонстрируя классическое рукопожатие. Вэнь Шу удивленно приподнял брови, но мешать не стал, лишь забавляясь этой странной забавой.

— Рад нашей встрече, — улыбнулся Ся Чэнь.

— Взаимно, — лицо Вэнь Шу озарилось по-настоящему светлой улыбкой.

«Я безмерно рад, что в этой жизни встретил тебя».

Последние капли былой обиды словно растаяли в этой улыбке. Когда Вэнь Шу не пытался язвить или провоцировать, он оказывался на редкость приятным собеседником. Пусть для всего остального мира он оставался непредсказуемым и жестоким чудовищем, рядом с Ся Чэнем он проявлял удивительную чуткость и бесконечное терпение. Постепенно неловкость исчезла, уступив место привычному теплу их давней переписки. Ся Чэнь наконец-то расслабился.

Ся Чэнь согласился остаться на обед. Хотя время трапезы уже давно миновало, расторопный Чжэлю загодя отдал все распоряжения. Повара были предупреждены: сегодня от их кулинарного искусства зависит ни много ни мало их дальнейшая судьба в усадьбе.

Накрытый стол ломился от яств. Попробовав несколько блюд, Ся Чэнь пришел в полнейший восторг — здешние угощения превосходили даже изысканные деликатесы из дорогих ресторанов его прошлой жизни. И пусть в эту эпоху повара были стеснены нехваткой специй и не могли добиться сложной многослойности вкуса, их умение раскрывать природный вкус каждого продукта поражало воображение. После десяти лет пресной деревенской похлебки эта трапеза показалась Ся Чэню пищей богов.

Наблюдая за тем, с каким аппетитом Ся Чэнь уплетает угощения, Вэнь Шу ощутил такое глубокое умиротворение, словно наелся сам. Под это благодатное настроение он и себе незаметно положил лишнюю пиалу риса.

<http://bllate.org/book/18260/1762681>